

Пушкин и И. Н. Горсткин. К интерпретации одного свидетельства

Каждое документальное свидетельство о взаимоотношениях Пушкина и декабристов привлекает к себе повышенное внимание исследователей, поскольку служит освещению важнейшей проблемы «Пушкин и современное ему общественно-политическое движение». К числу немногих свидетельств такого рода относится показание участника Союза благоденствия и Северного общества И. Н. Горсткина, сделанное на судебно-следственном процессе 1825—1826 гг.¹

Показание Горсткина введено в научный оборот позднее, чем многие другие свидетельства о связях Пушкина с участниками тайных обществ, потому что оно затерялось среди обширного комплекса следственных материалов по «делу декабристов». Обнаружение показания Горсткина произошло в ходе систематического изучения фонда следствия в конце 1940-х гг. — очевидно, в связи с работой М. В. Нечкиной над известной монографией «Движение декабристов». Публикация нового свидетельства — счастливой находки исследователя — осуществлена М. В. Нечкиной в 1952 г. в серии «Литературное наследство» в сопровождении исследовательской статьи², которая позднее была переиздана в несколько отредактированном виде в сборнике исследований видного советского декабристоведа³. Само же показание Горсткина обрело академическую публикацию лишь в 1984 г., когда в свет вышел очередной, XVIII том документаль-

¹ В последнее время свидетельство Горсткина ошибочно упоминается как мемуарное (см.: *Немировский И. В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 24). Следственное показание как исторический источник содержит определенный элемент мемуарного свидетельства, если его автор «припоминает» события недавнего или далекого прошлого. Однако типологически оно представляет собой иной вид документального свидетельства — в силу как условий происхождения, так и принципиального отличия в целенаправленности автора. Кроме того, автор показания, в отличие от мемуариста, поставлен в жесткие рамки опросника, подготовленного следователями.

² *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине и декабристах // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 155—166.

³ *Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе: Сб. работ. М., 1982. С. 69—84.

ной серии «Восстание декабристов», включивший следственное дело Горсткина в полном его составе⁴.

Вот текст уникального свидетельства, оставленного Горстким в ряду других следственных показаний: «Одно совещание я помню у Александра Муравьева, когда мне предложено было вступить; тут было толковано о том, что я имел честь изложить выше, с таким прибавлением, что ежели б (уверял г. Муравьев) государю императору доложили о сем нашем обществе и предполагаемой цели, то и Его Величество, верно б, не запретил оного. Вскоре потом гвардия выступила в С<анкт>-П<етер>бург, где прошло, может быть, полгода, об обществе и слуху не было. Потом стали у некоторых собираться, сначала охотно, потом с трудом соберется человек десять, я был раза два-три у к<нязя> Ильи Долгорукого, который был, кажется, один из главных в то время, у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остроотой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало; съезжались как бы по должности, под конец и вовсе не съезжались; бывал я на вечерах у Никиты Муравьева, тут встречал частехонько лица, отнюдь не принадлежавшие обществу; скоро все это надоело, и понемногу совсем свидания прекратились. Было несколько вечеров у Бурцова, на которых ученость играла первую роль; напоследок вист все заменил...»⁵

Необходимо иметь в виду, что показание Горсткина было дано в ответ на прямо и точно поставленные вопросы Следственного комитета: «Когда и у кого бывали вы на совещаниях общества? В чем заключались сии совещания? Кто разделял их и кто вообще были известные вам члены общества?»⁶ Важно еще пояснить, что вопросы следователей касались тайного общества, к которому принадлежал Горсткий (Союз благоденствия).

С момента введения свидетельства Горсткина в научный оборот ему была дана определенная интерпретация, автором которой естественным образом выступила его первый публикатор, М. В. Нечкина. Вот что писала исследовательница, анализируя указание нового источника: «...когда же и в какой обстановке “читал свои Ноэли Пушкин”? <...> можно с достаточным основанием ответить: Пушкин “читал свои Ноэли”, по-видимому, зимой 1819—1820 гг., и читал их не на случайных *тирушках*, а на *совещаниях Союза благоденствия* у “блюстителя” Союза Ильи Долгорукова...»⁷

⁴ Восстание декабристов: Документы. М., 1984. Т. 18. С. 197—206 (публ. подгот. К. Г. Ляшенко, С. А. Селиванова; под ред. М. В. Нечкиной) (далее — ВД).

⁵ Там же. С. 201—202.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине и декабристах. С. 159. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, курсив наш.

Приведенная оценка показаний Горсткина позволила М. В. Нечкиной сформулировать итоговый вывод: «Из свидетельства Горсткина мы не только впервые узнаем о факте личного знакомства Пушкина с Ильей Долгоруковым, но и впервые получаем здесь достоверное и со стороны декабриста идущее *свидетельство об участии Пушкина в собраниях Союза благоденствия у Ильи Долгорукова*»⁸.

Исследователь отмечала, что ранее о присутствии Пушкина на собраниях тайного общества декабристов позволяли говорить только собственные «строчки» поэта из так называемой «десятой главы» «Евгения Онегина». Как известно, в них описаны собрания членов Союза благоденствия, на которых Пушкин «читал свои ноэли». М. В. Нечкина подчеркивала в этой связи: «Ранее мы располагали лишь стихотворными строчками самого Пушкина. Их поэтическая форма и язык образов вызывали у ряда исследователей толкование условного характера: Пушкин якобы воссоздает не какую-либо реальную, а поэтически-условную картину своих встреч, он мог допустить художественный вымысел. Теперь подобное толкование начисто отпадает»⁹.

Таким образом, введя в научный оборот вновь обнаруженное документальное свидетельство, историк интерпретировала показания Горсткина вполне однозначно. По мнению М. В. Нечкиной, показания Горсткина прямо и недвусмысленно свидетельствуют: Пушкин читал стихи «*на совещаниях Союза благоденствия*», в первую очередь у И. А. Долгорукова. Не проделав соответствующих источниковедческих процедур, не подвергнув критическому анализу содержание источника, исследователь оценила показание Горсткина как свидетельство непосредственного участия поэта в тайных собраниях Союза благоденствия.

С момента публикации показаний Горсткина вопрос об их содержании и интерпретации в научной традиции не рассматривался. Мнение М. В. Нечкиной, в целом, было принято и получило признание в трудах других авторов. В частности, Б. С. Мейлах выразил полное согласие с предложенной точкой зрения: «...признание Горсткина подтверждает, что в десятой главе “Евгения Онегина” Пушкин исторически достоверно, на основании собственных впечатлений, писал о декабристской сходке <...>. Итак, из показаний Горсткина (человека малодушного) Следственному комитету стало известно: Пушкин бывал на *совещаниях декабристов*»¹⁰. Однако общепризнанный факт организационной не-

⁸ Нечкина М.В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 159.

⁹ Там же.

¹⁰ Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 350. Ср.: «Показания <...> Горсткина <...> подтверждают, что на совещаниях <тайного> общества Пуш-

причастности поэта к тайному обществу заставлял авторов ставить предел «приближению» Пушкина к декабристской конспирации: «С несомненностью установлено также, что он бывал на “сходках” декабристов и, не являясь членом тайного общества, оказался фактически связанным с его деятельностью как в Петербурге, так и на Юге»¹¹.

В качестве, пожалуй, единственного исключения, отразившего другую точку зрения, следует назвать известный обзор «затерянного и утраченного» письменного наследия декабристов, принадлежащий М. К. Азадовскому (опубликован в 1954 г.). Упомянутые Горстким «собрания» у И. А. Долгорукова оцениваются в обзоре как «собрания, организованные членами тайного общества, на которых читались вольнолюбивые стихотворения», так же как и на упомянутых Горстким «вечерах» у Н. М. Муравьева, «где также бывали лица, не принадлежавшие Обществу». И те и другие «собрания» поставлены М. К. Азадовским в один ряд с обществом «Зеленая лампа», но не отождествлены с заседаниями Союза благоденствия¹². Оценки крупного исследователя и знатока эпохи, принципиально оппонировавшие выводам М. В. Нечкиной, остались в целом неразвитыми в последующей литературе вопроса.

Компромиссную позицию занял Ю. М. Лотман. Исследователь отмечал, что непосредственное участие поэта в заседаниях декабристского союза долгое время считалось невозможным, но, ссылаясь на показания Горстклина и его интерпретацию М. В. Нечкиной, счел правомерным допустить присутствие Пушкина на заседаниях «менее конспиративного» Союза благоденствия: «...на таких заседаниях бывал и, действительно, выступал там с чтением своих “ноэлей”»¹³; «видимо, через Никиту Муравьева Пушкин был при-

кин “читывал свои стихи”...»; в «десятой главе» поэт «писал о декабристских сходках в его присутствии» (*Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин. Иркутск, 1987. С. 57—58, 243*).

¹¹ *Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. С. 345.* Как видим, под пером советских исследователей присутствие Пушкина на «совещаниях декабристов» и знание факта существования тайного союза («сначала <...> догадывался, а затем был осведомлен о существовании тайного общества» — Там же) соседствовали с организационной непричастностью к нему. В итоге получалась весьма противоречивая картина: «...Пушкин стал догадываться о существовании тайного общества, но не знал, что находится среди его членов, когда бывал на сходках и читал свои ноэли...» (*Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин. С. 53*).

¹² См.: *Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов: Историко-библиографический обзор // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 110.*

¹³ *Лотман Ю. М. «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман. Пушкин. С. 755;*

влечен к участию в тех заседаниях Союза благоденствия, которые не имели строго конспиративного характера и должны были способствовать распространению влияния общества»¹⁴.

Интерпретация показаний Горсткина, принадлежащая М. В. Нечкиной, долго не подвергалась критике или пересмотру. Лишь в последнее время появилось скептическое отношение к ней. Так, в исследовании И. В. Немировского говорится: «Несколько поверхностной представляется нам сейчас точка зрения М. В. Нечкиной, нашедшей в мемуарах декабриста Горсткина (выше говорилось, что речь идет о следственных показаниях. — *П. И.*) подтверждение участия Пушкина в работе тайных обществ. Они свидетельствуют об этом не в большей степени, чем строки самого Пушкина: “Читал свои ноэли...”»¹⁵.

Свидетельство Горсткина до сих пор не стало предметом особого внимания исследователей биографии и творчества Пушкина, равно как историков декабристских обществ, результатом чего является воспроизведение точки зрения М. В. Нечкиной в обобщающих исследовательских монографиях и справочных изданиях¹⁶.

Необходимо отметить, что в достоверности фактической стороны сообщения Горсткина сомневаться не приходится. Оно принадлежит не просто члену Союза благоденствия, но и непосредственному участнику собраний, на которых присутствовал поэт. Горсткин — очевидец посещений Пушкиным тех самых «заседаний», о которых идет речь, очевидец, слышавший, как поэт «читывал» «ноэли» и другие свои произведения. Свидетельство Горсткина чрезвычайно ценно именно своей достоверностью. Все это так, однако предложенная первым публикатором документа интерпретация, при критическом анализе источника и сопоставлении его с данными других документов, вызывает ряд принципиальных возражений. Они ставят под сомнение утвердившееся истолкование показаний Горсткина.

Прежде всего, обращает на себя внимание проведенное М. В. Нечкиной противопоставление «совещаний» / «собраний» членов тайного общества — «случайным пирушкам». Это произвольное противо-

¹⁴ *Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 48—49.*

¹⁵ *Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. С. 24.*

¹⁶ См., например: «*На собраниях членов Союза благоденствия у князя И. А. Долгорукова бывает Пушкин, читает стихи, среди них свои Ноэли; все восхищаются остротой. Здесь встречает его И. Н. Горсткин*» (Летопись 1999. Т. 1. С. 155). См. также: *Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 403.*

поставление вызывает серьезные возражения. Строго говоря, трудно безоговорочно свести все разнообразие общественной активности вольнолюбивой свободомыслящей молодежи 1810-х гг. либо к заседаниям конспиративной организации, либо к «случайным пирушкам» (и другим формам проведения досуга). Другими словами, выбор, предложенный крупным советским историком-декабристоведом (заседания тайной организации или легкомысленные «пирушки»), не может удовлетворить исследователя. В самом деле, помимо указанных М. В. Нечкиной двух «полюсов» бурно развивавшейся общественной жизни середины—конца 1810-х гг., имелось огромное многообразие форм самоорганизации дворянского общества (речь идет, прежде всего, об организационных формах, представленных негласными и конспиративными кружками, обществами, собраниями, «вечерами» и т. д.). Это многообразие включало в себя широкий спектр общественных инициатив: от «правильно устроенных» заседаний негласных кружков, имевших свой устав (не исключая кружков литературного характера, наподобие «Зеленой лампы»), до неформальных, более или менее регулярных собраний с чтением литературных новинок, «вечеров» светского характера, «салонных» собраний (проходивших в домах частных лиц, в том числе деятелей либерального движения). Многие собрания и «вечера» носили регулярный характер, зачастую имели устойчивый, постоянный круг участников. Все это многообразие остается за пределами упрощенной трактовки, предполагающей наличие лишь двух указанных «полюсов». Ограниченный выбор, предложенный исследователем, оставил пространство лишь для одного вывода: Пушкин будто бы присутствовал на собраниях тайного общества Союз благоденствия.

Уже на основе одного этого наблюдения можно заключить: интерпретация источника, принадлежащая М. В. Нечкиной, требует серьезной переоценки — с учетом всех данных, накопленных наукой как до публикации свидетельства И. Н. Горсткина, так и после нее. Задача настоящей статьи имеет целью критически проанализировать точку зрения М. В. Нечкиной и предложить иную интерпретацию исторического источника.

Как представляется, для непредвзятой, взвешенной оценки показания Горсткина следует рассмотреть три существенно важных вопроса.

1) Могли ли на «правильных», то есть проводимых в соответствии с уставом («правилами») организации, собраниях Союза благоденствия находиться лица, не состоявшие его членами? (У исследователей вопроса нет оснований считать Пушкина членом Союза благоденствия.)

2) Почему в показаниях Горсткина факты и обстоятельства представлены таким образом, что, ссылаясь на его свидетельство, можно сделать вывод, что Пушкин являлся участником собраний тайного общества?

3) Если перед нами не «правильные заседания» декабристского Союза, то какие именно организационные формы общественной деятельности отразились в «собраниях» у И. А. Долгорукова, о которых говорится в показании Горсткина?

Ответив на эти вопросы, составляющие основные элементы критического анализа показаний Горсткина, исследователь сможет подойти к правильной интерпретации документального свидетельства, причем в его главной части. В сущности, речь идет о том, как следует понимать следующие слова Горсткина: «...я был раза два-три у к<нзя> Ильи Долгорукого <...> у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало...».

* * *

Приступая к рассмотрению первого вопроса, следует сразу оговорить, что совещания Союза благоденствия были закрыты для непосвященных в дела тайного общества, для тех, кто не вступил в организацию, — и Пушкин не мог представлять исключения в этом отношении.

Внимательный исследователь эпохи А. Е. Пресняков, склонный считать тайное общество, существовавшее до 1821 г., далеким от строгих конспиративных принципов (свойственных позднему организациям декабристов), тем не менее полагал, что Союз благоденствия проводил «правильно устроенные», «негласные, непубличные собрания» «формальных членов», закрытые для посторонних. Историк отделял их, во-первых, от собраний благотворительных и просветительских обществ (в том числе неофициальных, не исключая масонских лож, в свою очередь бывших тайной для непосвященных), которые были организованы участниками Союза благоденствия или подчинены их влиянию, во-вторых — от заседаний неофициальных литературных обществ и кружков. В-третьих, он отделял собрания Союза благоденствия от неформальных собраний «вольнодумцев», сочувствующих декабристскому обществу, светских «вечеров» и т. п.¹⁷

Вот что в уставе Союза благоденствия непосредственно относится к рассматриваемому вопросу: «Никто без особенного поручения не

¹⁷ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 354—355. См. также: Пресняков А. Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // 100-летие восстания декабристов: Сб. ст. и документов журнала «Каторга и ссылка». М., 1927. С. 30—79.

может с посторонним говорить о занятиях и делах Союза <...>. Каждый член обязан <...> избегать с нечленами всякого о Союзе спора...»¹⁸ Тайна должна была храниться строго — это являлось одним из главных принципов деятельности. В уставе Союза говорилось вполне определенно: «Имея целью *благо отечества*, Союз не скрывает оной от благомыслящих сограждан, но для избежания нареканий злобы и ненависти действия оного должны производиться в тайне»¹⁹. Члены Союза, если отступали от участия в нем и заявляли о выходе из организации, обязывались хранить в тайне все, к ней относящееся. Для обеспечения этого требования они давали особую расписку, оставившим общество в целях конспирации сообщалось о прекращении деятельности Союза и т. д.²⁰ Тайна должна была храниться как действующими, так и бывшими, отошедшими от общества членами. Устав Союза прямо запрещал не только присутствие посторонних на собраниях членов общества, но и разговоры с ними где бы то ни было о Союзе и предмете его занятий. Естественно, при «гостях», не имевших организационной связи с Союзом, разговоры о «делах» общества прекращались. В этой связи трудно представить «правильные» собрания членов Союза, проходящие в присутствии лиц, не принятых в тайное общество.

Таким образом, присутствие на «негласных, непубличных» собраниях «формальных членов» Союза благоденствия лиц, не состоявших членами, было невозможным при соблюдении уставных требований.

В то же время присутствие «вольнодумцев» из ближайшего окружения тайного общества на неформальных собраниях, «сходках», «светских» вечерах, проводимых участниками Союза, было само собой разумеющимся, поскольку, по мысли основателей Союза, это было одним из способов воздействия тайного общества на общественное мнение.

С нашей точки зрения, нет достаточных оснований говорить о том, что уставные требования «Зеленой книги» не соблюдались или серьезно нарушались в этих важнейших пунктах, определявших основные принципы существования конспиративного союза. Но на современном этапе изучения среди исследователей сформировалась другая точка зрения, пересматривающая традиционные представления о Союзе благоденствия в сторону умаления роли конспирации в его деятельности. Выдвигается мнение о «полулегальном» или даже полностью

¹⁸ Устав Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 249. («Законоположение Союза благоденствия» — документ, известный также как «Зеленая книга».)

¹⁹ Там же. С. 242. Курсив оригинала.

²⁰ См. организационные правила Союза благоденствия: Там же. С. 280, 298, 334—335, 346, 349, 403.

легальном характере Союза, о несоблюдении уставных правил в деятельности общества, о некоей «условности» конспиративных начал декабристских обществ, существовавших до 1821 г.²¹ Эта тенденция наметилась как своеобразная реакция на советское декабристоведение, с его постоянным подчеркиванием «радикальности» декабристских обществ и приближением их к реалиям последующих этапов «освободительного движения». Она ведет, однако, к полному или частично отрицанию организованности, регулярности собраний, к отрицанию принципа конспирации в Союзе благоденствия. Происходит своеобразное возвращение (на новом уровне изучения) к взглядам зачинателей историографии декабристских обществ — в частности, А. Н. Пыпина, который высказывал мнение о том, что Союз благоденствия представлял собой не конспиративную организацию с политическими целями, а «полулегальное», чуть ли не допущенное правительством аморфное объединение с «самой невинной» просветительской программой, члены которого не придерживались конспирации. По мнению первого историографа Союза благоденствия, это сообщество было легко доступно для любого человека «передовых» взглядов (своеобразный «клуб», заседавший у наиболее активных участников Союза, в присутствии лиц «посторонних», непричастных к обществу). Аморфная просветительская организация-клуб без соблюдения основных правил устава — таким предстал Союз в трудах А. Н. Пыпина и последователей его взглядов²².

Надо сказать, что эта точка зрения опирается главным образом на оправдательные показания бывших членов Союза благоденствия, полученные в условиях следственного процесса 1825—1826 гг., позднейшие публицистические записки Н. И. Тургенева, стремившегося представить

²¹ См., например: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. С. 317, 334, 347—356 (параграф «Проблемы конспирации в Союзе благоденствия и последующих обществах декабристов. Личное и общественное»).

²² *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. С. 393, 405—406, 445, 480. А. Н. Пыпин, правда, не мог не оговориться, что либералам, включая членов Союза благоденствия, «высказывать свои мнения вполне было все-таки не безопасно» (Там же. С. 379—380). Отдал дань подобным взглядам и А. Е. Пресняков, считая «собрания» Союза благоденствия «негласными», «непубличными», но состав их участников — известным «широкому кругу» людей (*Пресняков А. Е.* Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов. С. 35). Примкнули к этому мнению и представители социологической марксистской историографии, не считавшие ранние тайные общества декабристов «революционными». См. оценку М. Н. Покровского: «полуоткрытая организация» (цит. по: *Нечкина М. В.* К вопросу о политической программе Союза благоденствия // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия: Сб. ст. М., 1952. С. 331).

деятельность тайных обществ далекой от острых политических вопросов, а также на отдельные цитаты из «Зеленой книги» — сохранившейся первой части устава Союза благоденствия. Эта часть излагала просветительскую программу деятельности организации (положения тактического характера) и уставные требования, предназначалась для вновь приглашаемых лиц и не содержала политической цели общества²³.

Коснулась эта тенденция и интересующего нас вопроса. Так, В. М. Бокова полагает, что в показаниях Горсткина речь идет о совещаниях Союза благоденствия, на которые допускались посторонние лица («О присутствии посторонних на “совещаниях” у И. Долгорукова и Н. Муравьева — см. показания И. Н. Горсткина»), отмечая между тем, что, когда посторонние приходили на собрания Союза благоденствия, «секретные разговоры прерывались на полуслове»²⁴. Автор, таким образом, констатирует присутствие «посторонних» на «правильных» собраниях членов Союза благоденствия, но при этом, по мнению историка, о тайном обществе при «посторонних» не говорилось, «секретные разговоры» прерывались. Эта внутренне противоречивая точка зрения вряд ли может удовлетворить исследователя. К тому же остается открытым вопрос: считать ли собрание с участием «посторонних» лиц «совещанием членов Союза благоденствия», да еще при прерванных «секретных разговорах»? Логичнее полагать, что «посторонние» присутствовали на собраниях, организованных членами Союза благоденствия для привлечения сочувствующих и единомышленников, но не на «правильных» заседаниях тайного общества.

Говоря о взглядах А. Н. Пыпина, следует отметить, что позднейшие исследователи, опирающиеся на углубленный анализ первоисточников (не только сохранившегося устава Союза благоденствия, но и других документов — доносов членов Союза благоденствия И. М. Юмина и М. К. Грибовского, следственных показаний, недоступных А. Н. Пыпину, мемуарных свидетельств бывших членов Союза и т. д.), аргументированно, со ссылками на конкретные источники, опровергли его точку зрения, не учитывавшую исторические реалии эпохи²⁵.

²³ *Нечкина М. В.* К вопросу о политической программе Союза благоденствия. С. 337. Политическая цель и средства ее достижения должны были значиться во второй части, которая была написана, но не утверждена руководителями Союза. См.: *Смирнова Л. Б.* Вторая часть «Зеленой книги» и ее авторы // Вопросы политической истории СССР: Сб. ст. аспирантов и соискателей Института истории СССР АН СССР. М.; Л., 1977. С. 125—143.

²⁴ *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. С. 349, 403.

²⁵ Образец убедительной аргументации в пользу конспиративного характера Союза благоденствия см., например: *Нечкина М. В.* К вопросу о политической программе Союза благоденствия. С. 332—334.

С. Н. Чернов, на основе кропотливого анализа как устава Союза благоденствия, так и реальной практической деятельности членов тайного общества, пришел к следующим выводам: «Союз замышлялся и был тайной политической организацией, вокруг которой в массе кишели открытые и тайные враги и в еще большем числе посторонние всякой политике, однако приметливые ко всей новизне обыватели». В Союзе соблюдались необходимые правила конспирации, в частности — процедуры подбора и приема членов, внутренняя иерархия руководителей и подчиненных (рядовых) участников, запрет «неосторожным словом или поступком возбуждать подозрительность <...> власти», соблюдение тайны собраний, встреч и скрытых от непосвященных «сношений»²⁶. Союз благоденствия не был организацией заговорщического типа, строго и глубоко законспирированной группой единомышленников, но в то же время он не являлся ни «клубом», ни «полулегальным» обществом, легко доступным для каждого, кто слыл «вольнодумцем» и вел свободолюбивые разговоры. Одним из предметов постоянных обсуждений в руководстве Союза являлось «принятие мер осторожности для сокрытия от правительства существования и занятий Союза и приведение в лучшее устройство дел общества». После первых выходов из тайного общества его бывших членов (1819 г.) меры предосторожности значительно возросли. Особые усилия тратились на то, чтобы «спрятать общество от всякого подозрительного глаза и всяких нескромных уст»²⁷.

Учитывая обоснованность выводов С. Н. Чернова и других исследователей Союза благоденствия²⁸, возврат на современном этапе изучения к давно преодоленным представлениям о тайных обществах видится неоправданным. Мнение о «легальном» или «полулегальном» характере Союза представляется ошибочным.

К этому нужно добавить соображение о том значении, которым наделялся принцип конспиративности в современных Союзу благоденствия тайных организациях (масонских ложах, тайных кружках, в

²⁶ Чернов С. Н. Из работ над «Зеленой книгой» // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 287, 327.

²⁷ Чернов С. Н. Несколько справок о Союзе благоденствия перед Московским съездом 1821 г. // Там же. С. 15.

²⁸ Нечкина М. В. 1) К вопросу о политической программе Союза благоденствия. С. 331—342; 2) Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 186—189, 203—204; Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. М., 1975. С. 89—94; Жуковская Т. Н. Тайные общества первой трети XIX в. и организационные модели декабризма // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2002. Вып. 5. С. 88—90.

том числе неполитического, досугового характера). Хорошо известно влияние масонских конспиративных правил на организационные формы первых декабристских обществ, воздействие широко распространившейся в эту эпоху публицистической и иной литературы, посвященной тайным обществам (зачастую обличавшей их реальную или воображаемую деятельность), на представление о роли конспирации активных участников тайных организаций и общественного движения²⁹. Конспирация в период 1800—1820-х гг. была очень популярна — она применялась чуть ли не в любых формах самоорганизации общества и соблюдалась с особой тщательностью. Как показано исследователями, принципы конспиративности составляли важнейшую сторону существования негласных и тайных объединений как специфической формы общественной активности, как культурно-исторического явления³⁰. Без соблюдения организационных правил, в том числе требований конспирации, не существовало «общества», кружка, «собраний», как чего-то обособленного³¹. По всем этим соображениям преуменьшать роль организационных «правил» конспиративных обществ, как представляется, неправомерно.

Итак, наиболее обоснованными следует признать оценки и наблюдения, принадлежащие С. Н. Чернову, а затем, с некоторыми оговорками, М. В. Нечкиной и ее ученице — исследователю Союза благоденствия А. В. Семеновой. В этих наблюдениях констатируется последовательное соблюдение начал конспиративности в деятельности Союза благоденствия³².

²⁹ См.: Жуковская Т. Н. Тайные общества первой трети XIX в. и организационные модели декабризма. С. 74—76. Ср.: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. С. 347.

³⁰ См.: Пресняков А. Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов. С. 35—36; Жуковская Т. Н. Тайное общество декабристов: Европейские влияния и российский контекст // Империя и либералы: Сб. ст. СПб., 2001. С. 52—64.

³¹ См.: Жуковская Т. Н. Тайные общества первой трети XIX в. и организационные модели декабризма. С. 67—69, 71—72, 86—91.

³² См.: Семенова А. В. Тайное общество декабристов Союз благоденствия. Автореф. дис. ... д. и. н. М., 1990. С. 31. Оговорки касаются применяемого советской историографией понятия «революционность». Представляется, что речь должна идти о политическом характере тайного общества. В настоящей статье мы оставляем в стороне вопрос о программе Союза благоденствия и степени ее радикализма. У исследователя нет оснований отрицать политическую программу Союза, несмотря на отсутствие упоминаний о политических задачах в сохранившейся первой части устава. Эти задачи были хорошо известны руководителям, а впоследствии значительному числу участников Союза (см.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 208—211; Семенова А. В. Тайное общество декабристов Союз благоденствия. С. 9—10; Ср.: Ильин П. В.

Из сказанного явствует, что, следуя требованиям устава («Зеленой книги»), участники Союза не допускали присутствия на «правильных» заседаниях тайного общества «посторонних лиц», не принятых в организацию.

То, что правила конспирации в отношении «не членов» из числа не посвященных в деятельность тайного общества (в частности, Пушкина) соблюдались неукоснительно, подтверждают дошедшие до нас известные мемуарные свидетельства членов Союза благоденствия И. И. Пущина и И. Д. Якушкина. Эпизод, изложенный в записках И. И. Пущина — когда Пушкин принял собрание предполагаемых сотрудников журнала, задуманного Н. И. Тургеневым, за заседание тайного общества, — весьма показателен и красноречив³³. Он недвусмысленно говорит о том, что реально существующее декабристское общество оставалось для Пушкина полной и непроницаемой тайной; поэт лишь подозревал, что оно существует. Зная «образ мыслей» близких друзей и знакомых, не скрывавших перед ним своих политических взглядов (Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, Ф. Н. Глинка, И. И. Пущин и др.), он догадывался о существовании некоего объединяющего их общества, однако, как видно из данного свидетельства, не имел никаких конкретных о нем сведений. Понятно, что если бы он присутствовал на «секретных собраниях» Союза благоденствия, то степень его осведомленности на этот счет была бы принципиально другой.

Инцидент, произошедший в 1820 г. в Каменке и отраженный в мемуарах И. Д. Якушкина, подтверждает, что это было именно так. Эпизод с шуточным «предложением» вступить в политическое тайное общество и реакцией на него поэта демонстрирует непосвященность Пушкина в деятельность конспиративных организаций, попутно удостоверяя в полной мере организационную непричастность поэта к декабристскому союзу³⁴.

Еще один ключевой эпизод — встреча Пушкина и И. И. Пущина в Михайловском — получил различные оценки историков. Здесь проявилось стремление некоторых исследователей советского времени максимальным образом «приблизить» поэта к декабристской конспирации. Однако даже самые активные сторонники такого сближения были вынуждены осторожно оценивать степень осведомлен-

[Рец.:] Восстание декабристов. Т. XIX. М., 2001; Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001 // Отечественная история. 2006. № 4. С. 183).

³³ См.: Пущин И. И. Соч. и письма. М., 1999. Т. 1. С. 62.

³⁴ Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 113.

ности поэта о декабристской организации, а тем более возможность организационной причастности к ней. Так, А. М. Эфрос полагал, что после встречи с Пушиным в январе 1825 г. Пушкин находился «как бы на положении посвященного, сочувствующего, который был связан с заговором пока лишь нравственными обязательствами, но который должен был доказать, что достоин доверия, когда придет время действовать»³⁵. Б. С. Мейлах отмечал, что после этой встречи «Пушкин понял: тайное общество существует»³⁶. Б. В. Томашевский склонен был считать, что на встрече «речь шла о тайных обществах, и Пущин признался в своей принадлежности к Северному обществу», однако вместе с тем исследователь отрицал возможность предложения о вступлении, сделанного Пушкину; напротив, Пущин уговаривал его отказаться от попыток играть «политическую роль»³⁷. Н. Я. Эйдельман, подробно разобрав эпизод, пришел к выводу о молчании Пущина в ответ на прямой вопрос друга о тайном союзе³⁸. С. В. Березкина, отмечая, что Пущин не открыл Пушкину существование тайного общества, связывает замысел несанкционированной поездки поэта в Петербург с его осведомленностью о планах заговорщиков осуществить переворот при воцарении нового императора³⁹. На основании сказанного можно сделать вывод: вопрос об организационной принадлежности Пушкина к декабристскому обществу на встрече не затрагивался, поскольку определенных указаний на этот счет исследователям добыть не удалось. Судя по всему, Пущин по-прежнему многое скрывал от друга. Можно лишь предполагать, опираясь на косвенные данные, что речь коснулась возможного в недалеком будущем политического переворота; степень осведомленности поэта о декабристской конспирации существенно не изменилась.

Известна ироничная фраза Пушкина из письма к Жуковскому от 20 января 1826 г. о том, что в русском обществе едва ли не все знали

³⁵ Эфрос А. М. Декабристы в рисунках Пушкина // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 935.

³⁶ Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин. С. 219.

³⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 88.

³⁸ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 271, 281.

³⁹ Березкина С. В. Встреча с И. И. Пушиным 11 января 1825 г. в творческих откликах А. С. Пушкина: К анализу взаимоотношений поэта и участников тайных обществ // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2005. Вып. 7. С. 483—484, 491—492.

«о заговоре», «кроме полиции и правительства», сказанная после событий 14 декабря 1825 г. (Акад. Т. 13. С. 257). Поскольку в этом письме Пушкин преследовал определенную цель: отвести от себя вероятные обвинения в «политических разговорах» и связях с заговорщиками, в контексте начавшегося следственного процесса, — его высказывание отражает лишь часть правды. Речь, в сущности, может идти о распространении слухов, информации общего характера о существовании тайных обществ в Европе и появлении их в России. Молва о существовании в России конспиративных союзов приобрела особый размах после правительственного запрета масонских лож, других конспиративных обществ и вообще всех не получивших правительственного одобрения общественных объединений (1822 г.). Интерес к действующим в Европе тайным обществам подогревался известиями о военных революционных выступлениях, национальных движениях в Испании, Италии, Греции, — в этих событиях, как известно, активное участие принимали члены различного рода тайных союзов. Информация такого рода распространялась как лицами, сочувствующими либеральному движению, так и противниками «карбонариев» и «якобинцев», предупреждавшими об опасности общеевропейского заговора. Многие догадывались о существовании тайных обществ в России, красноречивым свидетельством чему служат подозрения Александра I, который видел причины «семеновской истории» (1820 г.) в деятельности тайных обществ, охвативших своим влиянием гвардию; участникам этих обществ он приписывал борьбу с голодом в Смоленской и других губерниях в 1821—1822 гг., к кругу тайных «вольнодумцев» относили многих армейских генералов, включая крупных военачальников⁴⁰.

Однако конкретными данными, касающимися деятельности политических конспираторов, располагали лишь немногие — сами участники тайных обществ и те, кому они доверились. Сведения о существующем тайном союзе, его цели и программе деятельности, о составе участников, внутренней иерархии и структуре, местах собраний и т. д. наличествовали только у тех, кто был вовлечен в заговор, ознакомлен

⁴⁰ См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 4. С. 28; *Шильдер Н. К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 330. Противоположное свидетельство оставил в своем дневнике Н. И. Тургенев, деятельный участник тайного общества. Запись его дневника, датированная 16 августа 1822 г. (вскоре после выхода манифеста о запрете тайных обществ), отразила иную оценку отношения петербургского общества к конспиративным союзам: «О т<айны>х обществах никто не говорит, ибо никто их не знает, и не думают, чтобы они были и могли быть в России» (Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5: Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 3. С. 324).

с уставом союза, — иными словами, у тех, кто состоял членом или был приглашен участвовать в тайном союзе⁴¹.

Таким образом, принимая во внимание подтвержденных источниками факт организационной непричастности А. С. Пушкина, его неосведомленности о конкретных сторонах деятельности Союза благоденствия (о чем прямо говорят мемуарные указания авторитетных свидетелей), мы не имеем оснований предполагать присутствие поэта на «правильных» заседаниях конспиративного общества, закрытых для «непосвященных»⁴². В качестве иллюстрации к этому выводу, обобщающему данные об отношении Пушкина к декабристскому обществу, необходимо привести известную фразу поэта, переданную в записках И. И. Пушина: «Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою по многим моим глупостям»⁴³. Близкие по смыслу слова Пушкина вспоминает в своих записках И. Д. Якушкин: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести»⁴⁴.

Итак, свидетельства, которыми располагают исследователи, не позволяют утверждать, что Пушкин обладал сведениями об уставе Союза благоденствия, его политической программе, персональном составе тайного общества, внутренней структуре и т. д. Без такого рода осведомленности считать возможным присутствие Пушкина на «правильно устроенных» «совещаниях» членов Союза благоденствия (или других тайных политических обществ), на которых не допускались «посторонние», едва ли правомерно.

⁴¹ Не случайно для того, чтобы получить надежные документальные подтверждения существованию политического заговора в России, правительственным агентам пришлось затратить серьезные усилия, прежде чем в их руках оказалась конкретная информация о реально существующем тайном обществе (провокаторская деятельность И. В. Шервуда и А. К. Бошняка — И. О. Витта). Но и в этом случае основной объем сведений о декабристской организации был получен не от полицейских агентов, а от отступника из числа членов союза А. И. Майбороды (см.: Федоров В. А. Доносы на декабристов // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 130—151; Коржов С. Н. К истории провокации И. В. Шервуда: Критический анализ «Исповеди» Шервуда-Верного и реконструкция его агентурно-провокаторской деятельности // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 7. С. 215—295).

⁴² Отношение поэта к тайному обществу характеризуется достаточно определенно: даже сторонники наибольшего приближения поэта к декабристам не идут дальше констатации участия в негласном литературно-политическом кружке «Зеленая лампа» и личных дружеских связей с рядом деятелей декабристских союзов.

⁴³ Пушин И. И. Соч. и письма. Т. 1. С. 69.

⁴⁴ Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. С. 114;

Переходя ко второму вопросу — анализу показаний Горсткина, — необходимо сначала обратиться к личности и биографии Горсткина, а затем к условиям их появления.

Иван Николаевич Горсткин (1798—1876), сын тульского помещика, в 1814 г. поступает на службу в лейб-гвардии Егерский полк и вскоре сближается с кругом гвардейских офицеров-«либералистов». В начале 1818 г., находясь в Москве в составе сводного гвардейского отряда, он одним из первых вступает во вновь созданный Союз благоденствия, а затем входит в число влиятельных участников петербургских управ Союза⁴⁵. Осведомленный доносчик М. К. Грибовский, принадлежавший к руководящему кругу петербургского Союза благоденствия, в своем доносе (1821 г.) отнес Горсткина к «замечательнейшим по ревности» членам, поскольку тот обнаружил особую активность уже в 1818 г., почти с самого основания Союза⁴⁶. На протяжении нескольких лет (1818—1820 гг.) Горсткин возглавляет управу Союза благоденствия в Егерскому полку, что красноречиво говорит о заметной роли этого офицера в декабристском обществе. Как глава одной из петербургских управ, Горсткин безусловно контактировал с лидерами тайной организации, был знаком с политической программой и политической целью Союза⁴⁷. Все это известно главным образом не благодаря, а вопреки следственным показаниям самого Горсткина, в которых он постарался представить Союз благоденствия обществом благотворительным и просветительским⁴⁸. Так поступали на следствии многие из бывших членов Союза.

Согласно требованиям устава Союза благоденствия, каждый член должен был принадлежать к той или иной «отрасли», определявшей область его занятий. Горсткин принадлежал к «отрасли правосудия» и, по его собственным словам, старался «разыскивать злоупотребления разного рода», сообщать о них начальству, делая их известными, «дурных пустых людей всячески унижать, пускать их в огласку при всяком

⁴⁵ См.: ВД. Т. 18. С. 198. Ср.: *Арсеньев В. С., Картавцов И. М.* Декабристы-туляки. Тула, 1927. С. 26.

⁴⁶ Донос М. К. Грибовского // *Декабристы. Отрывки из источников.* М.; Л., 1926. С. 113.

⁴⁷ Политическая цель была известна большинству членов Союза (особенно состоявшим в нем длительное время), руководителям отделений и управ. См. показания основателя Союза благоденствия А. Н. Муравьева: ВД. М.; Л., 1926. Т. 3. С. 17; также П. И. Пестеля: ВД. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 84, 108.

⁴⁸ См.: ВД. Т. 18. С. 201—202.

случае, хороших же превозносить, дабы чрез то сколько можно способствовать к установлению общего мнения в России», а также «наблюдать, где случится быть, чтоб помещики крестьян своих не мучили»⁴⁹.

В своих показаниях Горсткин подтвердил знакомство с такими участниками Союза благоденствия, как С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол, И. А. Долгоруков, И. П. и С. П. Шиповы, И. Г. Бурцов, П. П. Каверин. Все они деятельные участники управляющего органа Союза — так называемого «Коренного совета». Горсткин был знаком также с наезжавшими в Петербург из Москвы А. Н. и М. Н. Муравьевыми⁵⁰. Имеющиеся источники выявляют связи Горстклина и с кругом И. И. Пущина — Е. П. Оболенского. Он встречается с И. Г. Бурцовым — главой петербургской «Коренной управы», объединявшей главным образом бывших участников Союза спасения. Горстклина хорошо знали И. И. Пущин, А. А. Тучков, Павел И. Колошин, М. М. Нарышкин, а также С. М. и А. В. Семеновы, принадлежащие к этому же кругу⁵¹.

О Горсткине, как члене тайного общества, знали и назвали его имя в своих показаниях С. П. Трубецкой, И. Г. Бурцов, Н. М. Муравьев, братья Е. П. и К. П. Оболенские, М. М. Нарышкин, В. Д. Вольховский, а также круг московских членов Северного общества во главе с И. И. Пущиным. В 1825 г. к нему, как старому товарищу, приезжает Е. П. Оболенский — один из активных участников управы И. Г. Бурцова еще в 1818—1819 гг.⁵²

Осенью 1821 г. Горсткин выходит в отставку, в 1824 г. поступает на службу в гражданскую канцелярию Московского военного генерал-губернатора, с весны 1825 г. переходит советником в Московское губернское правление⁵³. Он живет в Москве, где входит в кружок «либералистов», бывших участников Союза благоденствия. Этот кружок, скрепленный дружескими отношениями еще со времен совместной петербургской службы, был напрямую связан с И. И. Пущиным и Е. П. Оболенским. Неудивительно, что, когда последние задумали учредить в Москве отделение Северного общества, для создания

⁴⁹ Там же. С. 201. Это изложение задач членов Союза благоденствия по «отрасли правосудия» может быть дополнено кругом занятий, отраженным в уставе Союза (см.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. С. 244—245, 271—274).

⁵⁰ См.: ВД. Т. 18. С. 202.

⁵¹ Там же. С. 203.

⁵² Там же. С. 205. См. также: ВД. М., 2001. Т. 20. С. 195, 325, 327, 447.

⁵³ Декабристы: Биогр. справ. М., 1988. С. 57.

управы был избран именно этот круг. Таким образом, все, кто образовал московское отделение, вновь присоединились к «декабристскому движению». Горсткин не остался в стороне от процесса, в который были вовлечены его приятели. К концу 1824 г. он вошел в число членов Московской управы Северного общества, а весной 1825 г., когда обсуждался замысел «Практического союза», Горсткин согласился войти и в этот кружок, возглавленный И. И. Пушиным⁵⁴.

Арестованный в январе 1826 г., Горсткин обвинялся в принадлежности к Северному обществу и знании политической цели. По итогам следствия он получил административное (несудебное) наказание: после месяца дополнительного крепостного заключения 12 июля 1826 г. был отправлен на службу в Вятку⁵⁵. После отбытия вятской ссылки Горсткин в 1827 г. возвращается в свое имение в Тульскую губернию, где, как и другие административно наказанные подследственные («прикосновенные к делу о тайном злоумышленном обществе»), находившиеся в Европейской России, живет безвыездно под секретным полицейским надзором. О его поведении составлялись ежемесячные рапорты, которые отсылались в III Отделение⁵⁶. В 1828 г. он переезжает в свое пензенское имение, пытается поступить на службу в Губернское правление или вернуться под начало Московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына, о чем и ходатайствует через П. А. Вяземского. Однако на представление о приезде Горсткина в Москву император ответил отказом. Горсткин неоднократно подавал прошения о помиловании, но безрезультатно⁵⁷. Только в 1848 г. он получает право на вступление в гражданскую службу в Москве, а затем на посещение Петербурга. Впоследствии Горсткин жил в Москве и в своем имении в Пензенской губернии⁵⁸. В 1860 г. он служил членом Пензенского губернского комитета по крестьянским делам, готовя крестьянскую реформу в этой губернии⁵⁹.

⁵⁴ См.: ВД. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 213—215; Т. 18. С. 246. Ср.: *Модзалевский Б. Л. В. П. Зубков и его записки // Записки В. П. Зубкова о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря.* СПб., 1906. С. 5—6.

⁵⁵ См.: РГВИА, ф. 36, оп. 4, св. 27, д. 494 (об отправлении прикосновенного к делу о злоумышленных обществах <...> Горсткина в Вятку, а Семенова в Сибирь), л. 1—3 об. Ср.: *Свербеев Д. Н. Записки.* М., 1899. Т. 2. С. 361.

⁵⁶ См.: ГАРФ, ф. 109 (III Отделение), 1-я эксп., 1826 г., д. 61, ч. 174 (дело о надзоре за И. Н. Горстким).

⁵⁷ См. об этом: *Вяземский П. А. Письма к жене за 1831—1832 гг. // Звенья.* М., 1951. Вып. 9. С. 320, 322, 326, 342—343, 415. Ср.: *Арсеньев В. С., Картавцов И. М. Декабристы-туляки.* С. 26.

⁵⁸ См.: *Модзалевский Б. Л. В. П. Зубков и его записки.* С. 86.

⁵⁹ *Арсеньев В. С., Картавцов И. М. Декабристы-туляки.* С. 26.

О взглядах Горсткина в 1830—1840-е гг. в значительной степени можно судить по его дружескому окружению, в которое входили Павел И. Колошин, А. А. Тучков, С. Н. Кашкин, В. П. Зубков и др. Горсткин в целом сохранял оппозиционный облик, продолжал поддерживать связи с определенным кругом лиц, встречался с известными своим «вольномыслием», оппозиционно настроенными бывшими участниками тайных обществ, а также лицами, принадлежавшими к их окружению (А. А. Тучков, Г. А. Римский-Корсаков, А. А. Жемчужников, бывший нижегородский губернатор Н. И. Кривцов, поэт-вольнодумец П. А. Габбе)⁶⁰.

Известны некоторые личностные особенности Горсткина, отмечаемые современниками. Так, дочь А. А. Тучкова Н. А. Тучкова-Огарева в своих мемуарах выделяла Горсткина из общего круга бывших декабристов — товарищей ее отца. По мнению мемуаристки, будучи умным, саркастичным человеком, он по строю своей личности и убеждениям не был декабристом⁶¹. В. С. Нечаева отмечает, что, согласно отзывам современников, Горсткин «обладал скептическим умом и меткой насмешливостью»⁶².

Наряду со «скептическим умом», образованностью и просвещенностью упоминаются ироничный характер Горсткина, сухость в обращении, черствость, чрезмерный эгоизм, практицизм, другие не слишком симпатичные черты личности; в эти годы он стал известен жестоким отношением к своим крестьянам⁶³. Любопытен в этом контексте факт из истории его отношений с И. И. Пушиным: после того как амнистированный декабрист вернулся из Сибири, Горсткин потребовал срочного возвращения старого денежного долга Пушкина⁶⁴. Перед нами личность сложная и неоднозначная: он принадлежит к образованным, просвещенным «вольнодумцам», проявляет интерес к общественно-политическим вопросам, но в облике его в достаточной степени различимы эгоистичные черты и прагматизм.

⁶⁰ См.: *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М., 1949. С. 150—151.

⁶¹ *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. М., 1959. С. 32. Мемуаристка отмечает «корыстолюбивую натуру» Горсткина и его «беспощадно злой язык» (Там же. С. 33).

⁶² *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. С. 149.

⁶³ По формулировке Б. Л. Модзалевского, Горсткин был человеком «умным, но черствым, ироничным» (см.: *Модзалевский Б. Л.* В. П. Зубков и его записки. С. 8). Ср.: *Тучкова-Огарева Н. А.* Записки. С. 33.

⁶⁴ См.: *Пушин И. И.* Соч. и письма. Т. 2. С. 244—245.

Обратимся к показаниям Горсткина на следственном процессе 1825—1826 гг., учитывая при этом тактику поведения декабристов в условиях следствия и личные особенности автора.

Как эти особенности могли сказаться на изучаемом свидетельстве — следственных показаниях? Эгоистичность, практичный, расчетливый и, видимо, цепкий ум способствовали выработке определенных приемов, с помощью которых ему, несомненно, удавалось ослабить значение обвинительных аргументов. Причем можно полагать, что в использовании подобных приемов он был последователен, изобретателен и настойчив.

К числу основных обвинений на процессе 1825—1826 гг. относилось знание обвиняемым политического характера тайного общества, в котором он состоял. Горсткин принадлежал к Союзу благоденствия, участников которого обвиняли в осведомленности о политической цели общества — преобразовании государственного строя⁶⁵. В силу сказанного, одним из элементов защитной тактики членов Союза являлось стремление описать его в виде благотворительного и просветительского общества, снизить значение уставных требований, представить Союз в виде бесформенной и неорганизованной структуры, существование которой было недолгим, дискретным, а деятельность — вялой и незначительной. Отсюда важнейшие пути оправдания — сокрытие политического «наполнения» контактов и встреч, отрицание «правильной организации» конспиративных собраний, снижение значимости и организованности «занятий», сокрытие подлинных мотивов (политического характера) при изложении собственной деятельности как участника тайного общества.

Как представляется, подобная тактика защиты могла оказать существенное влияние на поведение и показания Горсткина. В самом деле, при откровенных ответах, касающихся организационной стороны декабристской конспирации, политических целей и способов их достижения, могли всплыть факты, связанные с заметной ролью Горсткина в петербургском Союзе благоденствия в 1818—1820 гг.

При обращении к материалам следственного дела Горсткина легко обнаруживаются приемы защитной тактики. Так, излагая причины своего участия в тайном обществе, он объяснял это неопытностью, следованием за «модой» («...была мода на этот союз, все за честь поставляли быть в нем»), «тщеславием», желанием завести влиятельные связи в офицерской среде, которые должны были способствовать успешной карьере. Он ссылался также на большой авторитет в гвардии приняв-

⁶⁵ См. предисловие А. В. Семенович к публикации следственных дел членов Союза благоденствия (ВД. Т. 20. С. 13).

шего его в тайное общество А. Н. Муравьева. Элементы защитной тактики можно найти в показаниях Горсткина и по другим вопросам: о своем участии в собраниях Московской управы Северного общества, «Практического союза» и т. д.⁶⁶

Показания Горсткина следует признать документом, требующим строгого критического подхода. Для того чтобы не дать в руки следователям большое количество обвинительного материала, Горсткин действительно прибег в них к ряду приемов самозащиты.

Это вполне сознавали предшествующие исследователи. По заключению М. В. Нечкиной, Горсткин принадлежал к тем подследственным, которые стремились «скрыть суть происходившего в тайном обществе»: «Не будем забывать, что оно (свидетельство Горсткина о Пушкине. — *П. И.*) произнесено за решеткой Петропавловской крепости. От умения дать показание, сохранить видимость малой причастности к делу зависело если не все, то, во всяком случае, очень многое»⁶⁷. Исследовательница, таким образом, дала общую оценку тактики защиты Горсткина. Она же привела конкретные примеры проявления этой тактики, отразившиеся в показаниях: «Горсткин, прочно принявший на следствии позу равнодушного (к целям декабристского союза. — *П. И.*) человека, случайно увлекшегося “модой” на тайные общества, всячески хочет снизить значение собраний у Ильи Долгорукова»⁶⁸.

Другая исследовательница, В. С. Нечаева, была согласна с М. В. Нечкиной в оценке линии поведения Горсткина на допросах: «На допросах он был чрезвычайно осторожен, подчеркивал свое скептическое отношение к тайным обществам, несочувствие активным членам и свою отдаленность от них»⁶⁹. Несомненным доказательством примененной Горстким «тактики оправдания» являются «проговорки» в показаниях, противоречащие основной «линии защиты». Как показала В. С. Нечаева, в показаниях Горсткина присутствуют доказательства его участия в собраниях и «разговорах» членов тайного общества политического характера, его осведомленности о политической программе Союза⁷⁰.

Указанные принципы и приемы тактики защиты — обоснование своей «малой причастности» или случайного вовлечения в деятель-

⁶⁶ См.: ВД. Т. 18. С. 200—201, 345.

⁶⁷ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 158.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Нечаева В. С. В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. С. 147.

⁷⁰ Там же.

ность Союза благоденствия, несогласия («несочувствия», скептического отношения, равнодушия) с целями тайного общества и взглядами его руководителей, снижение собственной роли в тайном обществе — следует иметь в виду при анализе показаний Горсткина.

То, что осторожный, умный и практичный Горсткин в условиях следствия стремился «сохранить видимость малой причастности к делу», определило многое в его показаниях. Это и умолчание о своей роли в петербургском Союзе благоденствия, и искаженная картина вступления в Северное общество, и искаженное изложение мотивов участия в конспиративном союзе.

Однако этим дело не ограничивается. Остановимся на образе Союза благоденствия, который в своих показаниях создал Горсткин. Анализ содержания показаний приводит к выводу о цели, какую ставил перед собой подследственный Горсткин, работая над показаниями. Она заключалась в том, чтобы показать Союз благоденствия слабо организованной, недействительной, в конечном итоге — не имеющей определенной политической цели организацией, которая спустя короткое время после основания фактически прекратила свое существование. Для того чтобы создать у следователей такое впечатление о Союзе благоденствия, нужно было представить его деятельность малозначительной, а организационное устройство и уставные правила — практически недействующими, хаотическими.

Подобные приемы использовались и другими подследственными. Наши выводы подтверждаются наблюдениями над показаниями других членов Союза благоденствия, в том числе руководителей. Отчетливо выделяются два основных приема защиты бывших участников Союза.

1) Отрицание политической цели и характера Союза благоденствия. Примером служат показания руководящих деятелей петербургского Союза благоденствия Ф. Н. Глинки, Ф. П. Толстого, Н. И. Кутузова. Каждый из них заявил в своих показаниях, что состоял в благотворительном просветительском обществе; цель показаний такого рода понятна — убедить следствие, что Союз благоденствия не являлся политической конспиративной организацией, то есть — не ставил перед собой задач изменения государственного строя⁷¹.

2) Отрицание «правильной организации» Союза, его конспиративных принципов. Пример такого подхода — показания Ф. Н. Глинки, оправдательные записки Н. И. Тургенева и его воспоминания «Россия

⁷¹ См. предисловие А. В. Семенович к публикации следственных дел членов Союза благоденствия (ВД. Т. 20. С. 7—10). О тактике отрицания политической цели Союза благоденствия, применявшейся бывшими его участниками, см.: Чернов С. Н. Из работ над «Зеленой книгой». С. 271—273.

и русские». Ф. Н. Глинка стремился показать, что в собраниях Союза благоденствия не было никакой регулярности и организованности; Н. И. Тургенев отрицал существование «правильно устроенного» тайного общества, называя его «ничтожным» и бездеятельным, что вызвало волну критики со стороны его осужденных товарищей⁷².

Характерно, что в одной из своих «оправдательных записок» Н. И. Тургенев свел содержание собраний Союза благоденствия к «вольным разговорам», «вздорным, но не преступным». Перечисляя предметы обсуждения на собраниях тайного общества, Тургенев представил их следующим образом: «...один сообщал газетные новости о Камере депутатов во Франции, хвалил новую книгу Прадта, Констана, другой читал новые стихи Пушкина, третий смеялся над цензурой журналов и театров и пр. и пр.»⁷³.

Прямые параллели между «оправдательной запиской» Тургенева и анализируемыми показаниями Горсткина очевидны, — только Горсткин поместил Пушкина в число непосредственных участников «вздорных» «вольных разговоров». Вместе с тем, и это принципиальный момент, Тургенев разграничивал «разговоры» и так называемые «правильные» собрания членов: по его словам, такие собрания проходили у Ф. Н. Глинки, Н. М. Муравьева, Павла И. Колошина — лидеров петербургского Союза.

Можно с уверенностью заключить, что попытки представить Союз благоденствия неполитическим — прежде всего, просветительским и благотворительным обществом, — предпринятые на следствии Ф. Н. Глинкой и другими бывшими участниками, являлись собой более или менее удачный прием защиты в условиях следствия. В основе таких приемов лежало стремление смягчить свою участь, отвести от себя обвинение в знании политической цели и избежать наказания. Вопрос о тактике защиты и приемах оправдания, использованных подследственными на процессе 1825—1826 гг., требует дальнейшего внимательного изучения.

Анализ показаний Горсткина и других бывших участников Союза благоденствия приводит еще к одному заключению. Важнейшим приемом, служившим к «ослаблению вины», была своеобразная подмена, которая наблюдалась в ответах на стандартный вопрос следствия о деятельности тайного общества и собраниях его членов. Чтобы создать

⁷² См.: ВД. Т. 20. С. 102; *Тургенев Н. И.* 1) Оправдательная записка // ВД. М., 1979. Т. 15. С. 271, 272—273, 276; 2) Вторая оправдательная записка // Памяти декабристов. Л., 1926. Кн. 2. С. 101, 160—163; 3) Россия и русские. М., 2001. С. 56, 112—113.

⁷³ *Тургенев Н. И.* Вторая оправдательная записка. С. 162—163.

впечатление неполитической, неорганизованной и незначительной деятельности Союза благоденствия, подследственные могли ввести в свои показания факты и обстоятельства, которые относились не к Союзу благоденствия, а к собраниям и «сходкам» легальных или негласных литературных, благотворительных, просветительских обществ⁷⁴.

В этом контексте и следует рассматривать показания Горсткина. Как справедливо заключала М. В. Нечкина, Горсткин в них «изо всех сил подчеркивал легальный (говоря точнее, неполитический. — П. И.) характер Союза благоденствия, но нас это не должно вводить в заблуждение»⁷⁵.

Приведем оценку показаний, принадлежащую С. Н. Чернову. Составляя показания Е. П. Оболенского, П. А. Муханова и других, не скрывавших политического характера Союза благоденствия, и показания Горсткина, историк писал: «В свете этих совершенно определенных показаний <...> надо присматриваться к другим показаниям более осторожных и менее откровенных <...> участников Союза. И тогда политический момент в целях Общества проступает даже в показаниях таких <...> довольно умеренных и в вынужденном рассказе на следствии чрезвычайно осторожных лиц, как И. Н. Горсткин. Он с некоторой елейностью рассказывает о цели Общества в смысле личного и общего нравственного и образовательного совершенства <...>. Читая этот рассказ Горсткина, совсем не чувствуешь в авторе политической жилки. Но она совершенно определенно вскрывается в тех припоминаниях, которыми И. Н. Горсткин окружил свой елейно-благочестивый рассказ». Он отнес себя к «отрасли правосудия», цель занятий которой было «установление общего мнения в России», — «сюжет, конечно, политический». Далее он упоминает планы общества — «занять известные места в государстве», что также неразрывно связано с политическими задачами. Таким образом, как заключал С. Н. Чернов, Горсткин набрасывает на Союз благоденствия «флер политической невинности и полной деловой несостоятельности, но все насмешливые узоры этого флера <...> не скрывают политического существа только что сделанных и им заботливо прикрываемых признаний». Не помогают скрыть политическое значение Союза, по мнению историка, и «предусмотрительные выражения» Горсткина, призванные показать слабую деятельность Союза («не прошло году, как все простыли»), подтвердить его собственное скептическое отношение к взглядам товарищей по Союзу⁷⁶.

⁷⁴ См., например, показания Ф. Н. Глинки и Ф. П. Толстого: ВД. Т. 20. С. 101—102, 118, 433—434.

⁷⁵ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 156.

⁷⁶ Чернов С. Н. Из работ над «Зеленой книгой». С. 274.

Подводя итог, С. Н. Чернов отмечал, что на следствии «многие члены Союза благоденствия сознательно стремились представить свое общество политически невинным. Меж тем самый устав Союза выдает действительный, полный политической активности характер общества»⁷⁷. К числу таких членов Союза, безусловно, относится Горсткин.

Говоря о содержании показаний Горсткіна, Ю. М. Лотман оговаривал: «Следует учитывать специфические условия, в которых создавались эти воспоминания⁷⁸, и то, что Горсткін был крайне заинтересован в том, чтобы придать “сходкам” у “осторожного Ильи” и “беспокойного Никиты” вид незначительных и случайных встреч»⁷⁹. Исследователь специально пояснял: «...надо, конечно, учесть вполне понятное в тактическом отношении стремление Горсткіна принизить значение описываемых встреч»⁸⁰. В основном это касалось его утверждений о кратковременности и случайности собраний, незначительности занятий участников и т. д.

Если отнестись к показаниям Горсткіна не критично, то Союз благоденствия предстанет аморфной, неорганизованной структурой с неясными целями, сообществом случайных людей, которые изредка собираются на организационно не оформленные «собрания», а через некоторое время прекращают всякую деятельность. Горсткін стремился убедить следствие именно в этом. Создавалось впечатление, что едва ли не главным занятием участников собраний были ученые разговоры, чтение стихов и карточные игры.

Из сказанного следует, что доверие к показаниям Горсткіна, вошедшим в себя элементы определенной защитной тактики, безоговорочное принятие его оценок и характеристик представляются неоправданными.

Мы видели, что исследователи в целом понимают специфику документа, появившегося в условиях официального следствия, признают явную тенденциозность показаний Горсткіна, отмечают конкретные приемы оправдания, «снижающие» значение предъявленных ему обвинений⁸¹.

⁷⁷ Чернов С. Н. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г. // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 91. Ср.: Семенова А. В. Тайное общество декабристов Союз благоденствия. С. 10—11.

⁷⁸ Возможно, эта ошибочная характеристика показаний Горсткіна стала причиной отмеченной выше последующей оценки их как «мемуаров».

⁷⁹ Лотман Ю. М. «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 755.

⁸⁰ Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя. С. 49.

⁸¹ В то же время исследователи нередко не принимают в расчет свои же наблюдения и поддаются «оправдательной риторике» Горсткіна, некритически

Однако в отношении фрагмента показаний, относящегося к Пушкину, М. В. Нечкина, в сущности, отказалась учесть отмеченные ею же особенности происхождения источника и специфику тактики защиты декабриста. Как считала М. В. Нечкина, показания Горсткина о собраниях у И. А. Долгорукова, на которых присутствовал Пушкин, свидетельствуют о том, что «это были не случайные пирушки, а именно собрания тайного общества», ибо Горсткин пишет о «вечерах» и «совещаниях», на которые «*съезжались как бы по должности, т. е. по обязанности членства в тайном обществе*»⁸². На основании этого обстоятельства и учитывая указанное Горстким место «собраний» (квартира И. А. Долгорукова), она делала вывод: речь идет о «правильных» заседаниях Союза благоденствия («Вот на этих-то собраниях тайного общества и встречал Горсткин Пушкина у “осторожного Ильи” — у Долгорукова»)»⁸³.

Историк здесь полностью доверилась автору показаний, смешавшему собрания Союза благоденствия и собрания «вольнодумцев», и прямо отождествила описанное Горстким с заседаниями тайного общества. Представляется, что такой ход размышлений, в свете выявленного стремления Горсткина ослабить значение конспиративной деятельности Союза благоденствия, является крайне уязвимым.

Отвергая эту интерпретацию, основанную на некритическом подходе к следственным показаниям, рассмотрим конкретные доводы, которые были предложены М. В. Нечкиной.

На каком основании можно считать свидетельство Горсткина напрямую относящимся к собраниям членов Союза благоденствия? Как мы видели, основных аргументов в пользу идентификации упомянутых Горстким «вечеров», на которых присутствовал Пушкин, как совещаний членов декабристского союза, всего два.

Первый из них — это место, где проходили собрания, и лица, у которых они проводились. Показания Горсткина свидетельствуют: «вечера» проходили у И. А. Долгорукова; здесь же упоминаются собрания у Никиты Муравьева и И. Г. Бурцова. Действительно, все трое — руко-

воспринимая содержание показаний. Так, оценивая отношение Горсткина к политическим целям тайных обществ, В. С. Нечаева заключала: «Дошедшие до нас материалы и исследования о декабристах говорят о равнодушии и даже о некоторой враждебности Горсткина к политическим проектам декабристов...» (Нечаева В. С. В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности. С. 149). Нетрудно понять, что эти «материалы» и «исследования о декабристах» строятся на показаниях самого Горсткина, к которым нельзя относиться с полным доверием.

⁸² Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 158.

⁸³ Там же.

водители петербургского Союза благоденствия. Но само по себе место проведения «вечеров» и собраний и принадлежность указанных лиц к декабристскому союзу не могут являться несомненным и решающим доводом в пользу того, что речь идет о заседаниях тайного общества. У И. А. Долгорукова — адъютанта А. А. Аракчеева (до июля 1819 г.)⁸⁴, богатого и родовитого гвардейского офицера, имевшего множество родственников, служебных, светских связей, — могли происходить собрания, не связанные с конспиративной политической деятельностью, вплоть до светских «вечеров» и балов. Подобные же «вечера» могли проходить у Никиты Муравьева, дом которого на набережной Фонтанки был одним из центров культурной, литературной и светской жизни Петербурга 1810-х гг. Квартира И. Г. Бурцова служила местом притяжения офицеров Генерального штаба, сотрудников «Военного журнала», занимавшихся военными науками и самообразованием⁸⁵. Итак, в домах и на квартирах видных деятелей Союза благоденствия могли происходить не только заседания тайного общества, но и другие собрания и «вечера»⁸⁶. В том числе регулярные «сходки» единомышленников из числа «вольнодумцев», с постоянным кругом участников, открытые или негласные. Таким образом, первый аргумент не имеет самостоятельного значения и не может служить надежным основанием для выводов М. В. Нечкиной.

Второй аргумент состоит в том, что показания Горсткина представляют собой ответ на вопрос следствия о собраниях Союза благоденствия. Следовательно, речь в них как будто должна идти о декабристском Союзе. Но источниковедческие наблюдения, принадлежащие С. Н. Чернову, М. В. Нечкиной, В. С. Нечаевой, Ю. М. Лотману, подкрепленные нашим анализом тактики защиты Горсткина, заставляют отнестись к этому аргументу с большим сомнением. Оценка показаний Горсткина как документа, возникшего в условиях следствия и наделенного несомненным «оправдательным характером», по нашему мнению, полностью перечеркивает этот второй аргумент. Обратим внимание на то, что Горсткин специально указывает в своем показании, что на «вечерах» у Муравьева собирались лица, не состоявшие в Союзе благоденствия, — на «правильных» собраниях декабристского общества это

⁸⁴ См.: Декабристы: Биогр. справ. С. 65.

⁸⁵ См.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 164—166; *Макаров В. Б.* Декабрист И. Г. Бурцов. Саратов, 1981. С. 14—15.

⁸⁶ В качестве примера приведем один из случаев совмещения в одном доме открытых (публичных) собраний и собраний негласных. У известного петербургского театрала Н. В. Всеволожского проходили как светские «вечера» («субботы»), так и закрытые для посторонних заседания общества «Зеленая лампа» (см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813—1824). С. 205—206).

было невозможно. Собрания у Бурцова Горсткин характеризует как встречи, на которых «ученость играла первую роль» (вероятно, имеются в виду занятия Бурцова и его окружения военными науками), — едва ли эти «ученые собрания» могут быть безоговорочно отождествлены с заседаниями Союза.

Здесь же следует коснуться слов Горсткина об элементе организованности собраний («съезжались как бы по должности»), которые могут быть истолкованы как «обязанности» членов тайного общества, как доказательство того, что речь идет о Союзе благоденствия. Надежным основанием для интерпретации, предложенной М. В. Нечкиной, эти слова не являются, поскольку Горсткин не сообщает конкретных сведений о «правилах» собраний и обязанностях их участников. Стоит отметить, что уставные требования и «должности», если полностью положиться на неясное сообщение Горсткина, являлись атрибутом не только Союза благоденствия, но и любого самостоятельного кружка или общества.

О чем же тогда пишет Горсткин в своих показаниях? Возвращаясь к защитной тактике членов Союза благоденствия, следует признать: в анализируемых показаниях Горсткин проводит известную линию, которой придерживались и другие участники Союза. Вчитываясь в них, мы уясняем замысел Горсткина — рассказать не о заседаниях Союза, как это требовали следователи, а об «открытой» деятельности публичного характера, о негласных или светских собраниях и «вечерах», где присутствовал более широкий круг лиц, нежели участники конспиративной организации. В этом случае у подследственного открывались возможности для того, чтобы представить Союз неполитическим, слабо организованным и малодеятельным обществом.

Прежде всего, следует обратить внимание на предмет разговоров участников собраний. Во фразе, непосредственно относящейся к Пушкину, речь идет о занятиях участников собраний. Это чтение и обсуждение новостей, прочитанных книг, литературных сочинений, в том числе политически «острых», разговоры и беседы, — причем «общего разговора» (то есть постоянных и планомерных обсуждений), по утверждению Горсткина, не было. Таким образом, предмет занятий участников собраний свидетельствует в пользу того, что речь не идет о заседаниях тайной организации, на которых обсуждались основные направления деятельности Союза благоденствия, отраженные в уставе (просветительство, благотворительность, сообщения о злоупотреблениях чиновников)⁸⁷, разбиралась многообразная деятельность членов

⁸⁷ Требования устава в этом отношении см.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. С. 260—275.

тайного общества по намеченным направлениям, поднимались острые и злободневные политические вопросы, рассматривались замыслы политических и социальных преобразований и т. д.

Далее обратимся к фрагменту показаний, который следует сразу за упоминанием о Пушкине: «...бывал я на *вечерах у Никиты Муравьева*, тут встречал частехонько *лица, отнюдь не принадлежавшие обществу*; скоро все это надоело, и понемногу совсем свидания прекратились. Было несколько *вечеров у Бурцова, на которых ученость играла первую роль*; напоследок вист все заменил...». Этот фрагмент содержит крайне важные для интерпретации анализируемого свидетельства данные. Во-первых, Горсткин признает, что он сообщает не о заседаниях членов Союза благоденствия, а о «вечерах», где присутствовали лица, не состоявшие в тайной организации. Во-вторых, он пишет о предмете занятий участников «вечеров». Вместо обсуждения острых, животрепещущих политических вопросов, вплоть до необходимости политических изменений, собиравшиеся на «вечера», согласно показанию Горсткина, занимались чтением стихов, учеными занятиями и различными формами проведения досуга. Очевидно, автор показания пишет не о «правильных» собраниях Союза благоденствия, на которых обсуждались вопросы практической общественной деятельности.

Таким образом, Горсткин намеренно смешивает «правильные» собрания членов Союза благоденствия и «сходки» петербургских «вольнодумцев», проходившие на квартирах и в домах видных членов Союза, не являвшиеся заседаниями конспиративного общества. Горсткин фактически подменяет существо вопроса, соединяя рассказ о Союзе благоденствия со сведениями о «вечерах» единомышленников, которые представляли собой, по существу, собрания лиц, входивших в окружение лидеров петербургского Союза благоденствия (Н. М. Муравьева, И. А. Долгоорукова и др.).

Итак, оба главных аргумента, лежащие в основе интерпретации М. В. Нечкиной, не выдерживают критической проверки. Учитывая свидетельства документов, подтверждающие неосведомленность Пушкина о деятельности Союза благоденствия, принимая во внимание уставные требования конспиративной организации, присутствие поэта на заседаниях тайного союза труднопредставимо. Какая интерпретация источника может быть предложена взамен?

* * *

Можно ли соотнести упомянутые Горстким собрания, в которых он лично участвовал, с известными нам кружками, собраниями, обще-

ствами? По имеющимся данным, Горсткин не посещал заседания «Зеленой лампы», хотя и был знаком с ее активными членами Ф. Н. Глинкой и С. П. Трубецким. Насколько известно, Горсткин не принадлежал и к другим известным литературным, просветительским или благотворительным обществам.

Однако в распоряжении исследователей находится свидетельство, позволяющее приблизиться к ответу на поставленный вопрос и точнее определить характер собраний, о которых сообщается в показаниях Горсткина.

Хорошо известна запись Пушкина в черновике плана нереализованного романа «Русский Пелаг»: «...общество *умных*: И. Долг<оруков>, С. Труб<ецкой>, Ник<ита> Мур<авьев> etc.» (Акад. Т. 8. С. 974). До сих пор исследователи считали эту запись доказательством того, что поэт был знаком с лидерами петербургского Союза благоденствия и знал о существовании декабристского общества.

М. В. Нечкина писала: «Для комментирования свидетельства Горсткина важно вспомнить также о пушкинском наброске “Русский Пелаг” <...> *Общество умных* — это и есть декабристская организация эпохи Союза спасения и начала деятельности Союза благоденствия, то есть 1817—1818 гг.»⁸⁸. Таким образом, историк напрямую отождествила «общество умных» и Союз благоденствия, считая, что Пушкин подразумевал под этим названием декабристское общество.

Далее М. В. Нечкина заключает: «На основании текста “Русского Пелага”, при сопоставлении его с приведенным выше новым свидетельством Горсткина, можно сделать вывод: Пушкин бывал в “обществе умных”, связанном с тремя упомянутыми им же декабристскими именами: Долгоруковым, Трубецким, Никитой Муравьевым. Никита Муравьев, кстати говоря, упомянут и Горстким в его свидетельстве в непосредственной близости к описанию собраний Союза благоденствия. Собрания происходили и у Долгорукова, и у Никиты Муравьева»⁸⁹.

Эта часть размышлений М. В. Нечкиной не вполне согласуется с ее первым выводом. «Общество умных» идентифицируется здесь уже не как Союз благоденствия, а скорее как некое самостоятельное общество, «связанное» с декабристами. Возможно, историк подразумевала под этим дочернюю организацию или кружок, руководимый членами Союза. Так или иначе, но интерпретация пушкинского «наброска» у М. В. Нечкиной получилась весьма противоречивой и неоднозначной. И это закономерно, ввиду сомнительности первоначального вывода, отождествлявшего «общество умных» и Союз благоденствия.

⁸⁸ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 162.

⁸⁹ Там же.

Тот факт, что собрания «общества умных» были известны Пушкину, не состоявшему в тайной организации и не знавшему о ней ничего конкретного, говорит скорее о том, что эти собрания не были заседаниями Союза благоденствия.

Однако само сопоставление записи Пушкина и свидетельства Горсткина, проведенное М. В. Нечкиной, без сомнения, правомерно. Мы видели, что Горсткин подменил содержание заданного следователями вопроса, сообщив не о конспиративных собраниях тайного общества, а о негласных «сходках» петербургских «вольнодумцев», проходивших в домах и на квартирах деятелей Союза благоденствия.

Анализируя пушкинскую запись об «обществе умных», М. В. Нечкина справедливо заключает: «Вряд ли Пушкин рисует тут условную, лишь предполагаемую картину — он, несомненно, восстанавливает реальную обстановку 1819 — начала 1820 гг.»⁹⁰.

Учитывая факт существования дочерних организаций и кружков, находящихся в сфере влияния Союза благоденствия (негласный литературно-политический кружок «Зеленая лампа», официально разрешенное «Вольное общество любителей российской словесности» и др.), «вечеров» и собраний общественного и литературного характера, учреждаемых членами Союза (в домах и на квартирах братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, Ф. Н. Глинки, И. Г. Бурцова и т. д.), нетрудно представить в роли организаторов такого рода собраний упомянутых в пушкинском плане романа «Русский Пелам» И. А. Долгорукова и Н. М. Муравьева.

Очевидно, так называемое «общество умных» собиралось в доме одного из названных в записи Пушкина лидеров Союза благоденствия. Во всяком случае, опираясь на показания Горсткина, представляется несомненным, что подобные заседания и «вечера» проводились, прежде всего, на квартире И. А. Долгорукова. Место собраний указывает, кто был инициатором создания «общества», кто определял его «направление». Итак, пушкинское свидетельство, дополненное показаниями Горсткина, позволяет сделать вывод о существовании негласных постоянных «собраний», возглавляемых и проводимых И. А. Долгоруковым.

Таким образом, под «обществом умных», как можно заключить на основе критического изучения и сопоставления имеющихся данных, следует понимать не конспиративные заседания Союза благоденствия, а известный Пушкину негласный кружок или регулярно проводимые литературно-политические собрания, учрежденные членами Союза как один из каналов влияния на столичное общество. Эти собрания

⁹⁰ Там же. В свете свидетельств Пушкина и Горсткина вопрос о датировке собраний у И. А. Долгорукова требует отдельного рассмотрения.

объединяли представителей близкого окружения декабристской организации — единомышленников и сочувствующих. Участвовать в них были приглашены известные своими либеральными взглядами литераторы того времени, в том числе Пушкин.

Как были «оформлены» собрания «либералистов» у И. А. Долгорукова, на которых присутствовали поэт Пушкин и офицер-гвардеец Горсткин? Существовал ли устав и другие документы этих собраний или кружка? Насколько «общество умных» осознавало его участниками как дружеское объединение единомышленников?

Возможно, эти собрания были организационно оформлены в виде негласного кружка или общества, объединявшего петербургских «вольнодумцев», во главе которого стояли энергичные деятели тайного союза. При этом специально подчеркнем, что исследователь не вправе смешивать «вечера» «общества умных» с «правильными» заседаниями тайного общества. Мы не знаем также устойчивого названия этого объединения петербургских «вольнодумцев» — да, возможно, его и не было⁹¹. «Постоянные собрания у Ильи Долгорукова» — так можно назвать этот кружок.

Пушкинское поэтическое свидетельство (так называемая «десятая глава» «Евгения Онегина») дополняет «Русский Пелам» и показания Горсткина.

Как уже говорилось, М. В. Нечкина напрямую отождествляла описанные в «десятой главе» «сходки» с конспиративными заседаниями Союза благоденствия⁹². Это полностью соответствовало ее интерпретации показаний Горсткина. Но при изучении пушкинской «десятой главы» высказывались и другие точки зрения. Так, Б. В. Томашевский осторожно заключал, что сопоставление имен Н. М. Муравьева и И. А. Долгорукова, упомянутых Пушкиным в «десятой главе», «говорит, что речь идет о Петербурге времени Союза благоденствия»⁹³. Исследователь не менее осторожно подошел к вопросу о «сходках», описанных Пушкиным: «Упоминанием своего имени (чтение нозелей, т. е. стихотворения “Ура в Россию скачет” 1818 г.) Пушкин явно указывает на время событий 1818—1820 гг. При этом также ясно, что

⁹¹ Название, под которым собрания фигурируют в плане романа «Русский Пелам», вероятно, принадлежит Пушкину. По-видимому, в этом названии отразилось отношение поэта к участникам «сходок», которые посвящали свое время обсуждению общественно-политических, научных и других вопросов, а не легкому времяпрепровождению.

⁹² *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине и декабристах. С. 156.

⁹³ *Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина»: История разгадки // ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 405.

речь идет не о тайных обществах в узком смысле этого слова, а о “дружеских сходках” в петербургском дворянском обществе. В лучшем случае Пушкин мог иметь в виду такие полулегальные организации, как “Зеленая лампа” или Общество Н. И. Тургенева 1819 г., где Пушкин встречался с Н. Муравьевым, И. Бурцовым, Ф. Глинкой и др.»⁹⁴.

Подводя итог рассмотрению пушкинских упоминаний о «сходках» у Н. М. Муравьева и И. А. Долгорукова, Б. В. Томашевский подчеркивал, что посвященные им строфы «десятой главы» повествуют о «периоде действия Союза благоденствия и даже Союза спасения. Но значит ли это, что речь идет именно о Союзе благоденствия? <...> Характеристика Пушкина захватывает явления шире деятельности тайных обществ в тесном смысле слова: он говорит о настроениях дворянского общества, вызвавших тайные организации»⁹⁵.

Как видим, наблюдения Б. В. Томашевского, высказанные на материале «десятой главы», во-первых, исторически конкретны, во-вторых — близки нашим выводам относительно показаний Горсткينا. Исследователь счел корректным говорить о «дружеских сходках», связанных с деятелями тайных обществ, а не о заседаниях Союза благоденствия. Характерно, что в качестве образца «сходок» он привел негласные («полулегальные») литературные общества, объединявшие «вольнодумцев» («Зеленая лампа», «журнальное общество» Н. И. Тургенева).

По заключению Б. В. Томашевского, речь должна идти не столько о декабристском союзе, сколько о более широких кругах либерально настроенного русского общества. Исследователь упомянул в этой связи «оппозиционные разговоры “между лафитом и клико”», происходившие на негласных «сходках» «вольнодумцев», которые нельзя смешивать с «правильными» заседаниями Союза благоденствия⁹⁶.

Судя по всему, собрания «общества умных» Пушкин посещал неоднократно. Из показаний Горсткينا явствует, что Пушкин «читывал свои стихи», — то есть читал «привычно», «постоянно», на что справед-

⁹⁴ Там же. С. 406.

⁹⁵ Там же. С. 409.

⁹⁶ См. также разделение между организационной формой «сходок», упомянутых Пушкиным в «десятой главе», и «собраниями тайного общества», проведенное Г. А. Невелевым (Невелев Г. А. Пушкин «об 14-м декабря»: Реконструкция декабристского документального текста. СПб., 1998. С. 286). Ранее исследователь полагал, что Пушкин, поместив себя среди членов Союза благоденствия, описывал именно «заседание тайного общества», а не что-либо другое (Там же; ср.: Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: А. С. Пушкин в работе над историей декабристов. М., 1985. С. 145—146, 147).

ливо указала М. В. Нечкина⁹⁷. И значит, он не был редким посетителем «общества умных». Поэт посещал эти собрания не как случайный любопытствующий, а с определенной целью, в которую входило, по свидетельству Горсткина, ознакомление участников «вечеров» со своими «вольнодумческими» и сатирическими сочинениями. Чтение стихов встречало живой отклик и энтузиазм у слушателей (по-видимому, к чтению пушкинских стихотворений относятся слова «все восхищались остротой»).

Вне всякого сомнения, память об этих собраниях и «вечерах» Пушкин сохранил на многие годы, о чем свидетельствуют литературный замысел романа «Русский Пелам» и текст «десятой главы». Упомянув о «сходках» «вольнодумцев» у «беспокойного Никиты» и «осторожного Ильи», Пушкин напрямую связывал их с конспиративной политической деятельностью. В его личном восприятии они ассоциировались с тайным обществом. Очевидно, активная и руководящая роль в «обществе умных» И. А. Долгорукова и Н. М. Муравьева (а может быть, и других членов Союза благоденствия), а также политический характер этих собраний, не могли не вызвать такого рода ассоциаций.

Приведенные выводы и наблюдения следуют в русле выдвинутой выше интерпретации показаний Горсткина. По нашему мнению, именно собрания «общества умных» (по-видимому, носившие регулярный характер) подразумеваются в показаниях Горсткина, когда он пишет о «вечерах», проходивших у И. А. Долгорукова и Н. М. Муравьева⁹⁸.

Нельзя не отметить важного фактографического совпадения трех свидетельств. И в показаниях Горсткина, и в «наброске» Пушкина, и в так называемой «десятой главе» говорится о собраниях, «вечерах» и «сходках» у Н. М. Муравьева и И. А. Долгорукова. Как представляется, все три источника свидетельствуют об одном явлении общественной жизни Петербурга конца 1810-х гг. — негласных собраниях с участием одних и тех же лиц, включая руководителей столичного Союза благоденствия. Важно отметить, что место проведения «сходок», указанное Пушкиным, полностью совпадает с показаниями Горсткина. Подтверждение одного источника другими указаниями говорит в пользу нашего вывода о существовании постоянных собраний «вольнодумцев» у И. А. Долгорукова и Н. М. Муравьева.

⁹⁷ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах. С. 162.

⁹⁸ Сообщение Горсткина о собраниях на квартире И. Г. Бурцова, вероятно, относится к «ученому кружку» офицеров, главным образом, Генерального штаба, известному в научной литературе (см. примеч. 85).

Следственные показания Горсткينا — уникальный источник, доказывающий участие Пушкина в «околодекабристском» кружке или «сходках», собиравшихся по инициативе членов Союза благоденствия. В частности, в постоянных собраниях у И. А. Долгорукова, где присутствовали как участники тайного общества, так и более широкий круг петербургских «вольнодумцев», в том числе известные литераторы.

Утвердившаяся в научной традиции интерпретация документа, предложенная М. В. Нечкиной, возникла, по нашему мнению, благодаря полному доверию к свидетельству Горсткينا, появившемуся в сложных условиях следственного процесса. Не последнюю роль сыграли и соображения идеологического порядка. Это проявилось в стремлении как можно более «привязать» Пушкина к «декабристскому движению», вплоть до утверждений о непосредственном участии поэта в заседаниях конспиративных организаций. В результате, сознательно или нет, крайне важному свидетельству Горсткينا, раскрывающему уникальный факт из истории отношений Пушкина с членами Союза благоденствия и широким слоем петербургских «вольнодумцев», был придан несвойственный ему смысл — смысл источника, будто бы подтверждающего присутствие поэта на тайных заседаниях декабристского общества.

Не соглашаясь с интерпретацией свидетельства Горсткينا, предложенной М. В. Нечкиной, трудно переоценить все значение свидетельства об участии Пушкина в собраниях «либералистов», проходивших в домах руководителей Союза благоденствия (Н. М. Муравьев, И. А. Долгоруков, И. Г. Бурцов и др.), — факт, отраженный в показаниях Горсткينا и не вызывающий сомнений.

Безусловно, этот зафиксированный факт чрезвычайно ценен и важен для изучения биографии, общественного облика, политической деятельности и взглядов Пушкина. Свидетельство Горсткينا показывает значительную степень близости поэта к конспиративным организациям декабристов, тесные связи с видными участниками Союза благоденствия, кругом петербургских «вольнодумцев» 1810-х гг. Это один из важных каналов взаимовлияния Пушкина и участников декабристских организаций.

Перед нами — доказательство непосредственных контактов Пушкина с значительным кругом гвардейских офицеров либеральных взглядов, участниками и ближайшим окружением декабристского общества. Ведь гвардейский офицер и член Союза благоденствия Горсткин, без сомнения, был далеко не единственным среди посещавших

эти «вечера» и «сходки» офицеров, чиновников, литераторов. В их числе, как можно уверенно полагать, находились и другие участники петербургских управ декабристского Союза.

Следует обратить внимание на неоднократность посещений Пушкиным собраний «общества умных», что подразумевает активное участие поэта в этих «сходках». Во всяком случае, согласно Горсткину, именно на этих «сходках» поэт «читывал свои стихи».

Впоследствии Пушкин, несомненно, прекрасно понял, с кем именно он встречался на этих собраниях. Неслучайно деятельность петербургского Союза благоденствия 1818—1820 гг. была связана в его памяти именно с собраниями «общества умных».

Непредвзятый анализ документального свидетельства, изучение обстоятельств его происхождения, личностных качеств автора, его тактики защиты на следственном процессе 1825—1826 гг., критика существующей интерпретации источника, сопоставление его содержания с данными других источников, — все эти аспекты изучения подводят исследователя к выводу: Горсткин свидетельствовал не о конспиративных собраниях Союза благоденствия, а о «сходках» представителей петербургского дворянского общества, сочувствовавших Союзу благоденствия и составлявших его ближайшее окружение, — собраниях, проводимых видными деятелями декабристского союза. Именно на этих собраниях присутствовал Пушкин, принимая в них постоянное деятельное участие.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009